

11 апреля отмечается Международный день освобождения узников фашистских концлагерей. Именно в этот день 1945 года узники Бухенвальда во главе с интернациональным политическим центром подняли восстание, в результате которого лагерь был ликвидирован. В годы Второй мировой войны миллионы военнопленных и мирных граждан находились в фашистских концлагерях. Точно число погибших вряд ли когда-нибудь удастся установить... Через концентрационные лагеря прошло немало и наших земляков.

А его считали погибшим...

В республиканской Книге памяти есть и фамилия Волкова Михаила Михайловича. В ней указано, что он погиб в годы Великой Отечественной войны и похоронен предположительно в Витебской области. Но Волков жив и здравствует поныне. Рассказывает сам ветеран:

— Я был призван в ряды Советской Армии в июне 1942 года. В городе Глазове три месяца проучился в военно-пехотном училище, которое было переведено туда из Ленинграда. Затем в составе девятнадцатой гвардейской дивизии нас перебросили в Великие Луки, где тогда шли ожесточенные бои. В одном из них меня ранило в голову и ногу. Отлежав в госпитале более трех месяцев, опять вернулся на передовую.

Однажды нас (около семидесяти человек) послали на задание — провести разведку боем. Сложилась такая ситуация, что под мощным натиском врага наши войска вынуждены были отступить. И от разведчиков требовалось выявить слабые места противника, установить точки нахождения орудий, добыть другие данные. В том бою меня контузило, и я потерял сознание. Не знаю, сколько пролежал, но когда очнулся, увидел рядом с собой еще одного красноармейца и двух немецких солдат. Фашисты привели нас в какую-то деревню. Контузия давала о себе знать, и я едва держался на ногах, мне позволили сесть. Начался допрос, а я ничего не слышу, потому лишь мотал головой. Они сочли это

отказом отвечать на вопросы и сильно ударили меня, но все же вскоре поняли, что я просто не в состоянии отвечать.

На следующий день, погрузив всех военнопленных на машину, повезли на какую-то железнодорожную станцию. А там уже, затолкав в вагоны по шестьдесят и более человек, отправили в неизвестность. На вторые сутки мы прибыли, как оказалось, в Латвию, в город Даугавпилс. После трехкилометрового пешего перехода нас разместили в огромном концлагере. Он представлял из себя два ряда больших землянок с плацом между ними. В каждой землянке находилось по сто человек, стояли двухъярусные нары. На многих пленных было страшно смотреть: истощенные, ослабленные, с желтыми лицами, они едва передвигали ноги. Кормили отвратительно: раз в сутки давали мелкую мерзлую картошку и маленький кусочек так называемого хлеба (в тесто добавлялись опилки).

Нас вообще куда не выпускали, даже запрещали передвигаться по лагерю под страхом смерти. Мы предпочитали не рисковать и потому не выходили из своих убежищ. Большой частью пленные умирали от холода, голода и болезней. Лагерь ночью хорошо освещался, был окружен четырьмя рядами колючей проволоки. Еще одна линия находилась под электрическим током. Потому, наверное, и охрана была небольшой. Лишь иногда нас выгоняли рыть траншеи, тут

же, на территории лагеря. В них бросали умерших и даже тех, кто еще был жив, но уже не мог стоять на ногах. Даже страшно представить, сколько там погребено людей.

Однажды нас выстроили на плацу. Немецкий офицер, проходя вдоль рядов, отбирал наиболее здоровых и сильных. В их число попал и я. Мы узнали, что нас хо-

тят куда-то увезти по железной дороге. И тут я услышал тихий разговор соседей о побеге. Они обсуждали, как бежать из вагонов во время предстоящего пути. В эту группу взяли и меня. Руководил опасной операцией один сибиряк.

Сумели каким-то образом раздобыть ножи. Один из них, перочинный, я спрятал у себя в интимном месте. Перед посадкой в вагоны нас, раздев догола, тщательно обыскали, но, к счастью, ничего не нашли.

Эшелон прибыл в Вильнюс. Там на станции увидели другие составы, в которых находились, кажется, французские пленные. Заметив нас, с криками: "Рус, рус!" они стали совать нам конфеты, шоколад, сигареты. До сих пор я бесконечно благодарен этим людям, сумевшим хоть как-то поддержать нас. Потом уж я узнал, что французы регулярно получали от родственников и другими вещами. А наши соотечественники об этом не могли даже думать. Да что там говорить! Позднее мы узнали, каким было отношение к военнопленным в нашей стране...

Когда эшелон вновь тронулся, принялись за работу. Перепилив с большим трудом ножами две доски, чтобы можно было просунуть в образовавшуюся дыру голову и плечи, мы договорились, что те, кто прыгают первыми, идут по направлению движения поезда, а последние — в обратную сторону. Поскольку прыгали с поезда ночью, охрана,

видимо, спала. А всего бежало двадцать три человека. Выпал небольшой снежок, и светила полная луна. Это подстегнуло нас: мы кинулись к видневшемуся неподалеку лесу. Просидев в нем до утра, стали решать, куда, в какую сторону идти.

И вдруг с дороги послышалось: "Хальт! Хальт!" В испуге, что это погоня, многие метнулись в чащу, но несколько человек остались на опушке. Оказалось, это пьяный немец едет на велосипеде, то и дело с него падая. Своими возгласами же он себя подбадривал. Нам пришлось убить его: выдаст ведь, если оставить в живых. И одежда могла понадобиться.

Следуя дальше, мы вышли к хутору. Несколько человек, пробравшись к нему, принесли ровно двадцать три сырые картофелины и полкаровая хлеба. Немного подкрепившись, двинулись на восток. Литовские хутора по возможности старались обходить стороной, лишь иногда заглядывали в них за провизией. Надо сказать, литовские крестьяне очень доброжелательно относились к нам: кормили, поили, объясняли, в какую сторону идти безопасней. Они же давали адреса тех хозяев, которые могли нам помочь. Однажды даже показали дом предателя: "Заходите к нему и берите все, что вам нужно. Пригрозим — и пикнуть не посмеет". Помню, я взял у него на печке шерстяные носки. Уж очень сильно мерзли ноги.

В одном из хуторов к нам подошли трое военных с автоматами. Они оказались партизанами. Так пришло освобождение. Вместе со всеми я оказался в первой Тракайской партизанской бригаде. И по окончании войны еще долго поддерживал связь с литовскими друзьями.

К словам ветерана надо добавить, что, пройдя партизанскими тропами, он продолжал воевать с фашистами в составе регулярной армии, а в сорок пятом успел принять участие и в боях с японцами на Дальнем Востоке. Домой же вернулся в сорок седьмом. О том далеком времени напоминают многочисленные награды, которых удостоен Михаил Михайлович.